

Д. С. ДАВИДОВИЧ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДЫСТОРИИ ГАМБУРГСКОГО ВОССТАНИЯ 1923 ГОДА

История Гамбургского восстания не может быть рассмотрена в отрыве от других событий, которыми был насыщен бурный 1923 год в Германии. Для правильного понимания причин восстания, марксистской оценки его значения необходимо проследить развитие революционного кризиса в Германии.

Исследование истории германского рабочего движения в 1923 г. и, в частности, Гамбургского восстания имеет не только научное, но и актуально-политическое значение. Исторический опыт может существенно помочь авангарду западногерманских трудящихся в его нынешней борьбе за единство действий рабочего класса, против агрессивного западногерманского империализма и милитаризма, за мир и демократию.

В задачи данной статьи не входит рассмотрение всего комплекса вопросов, связанных со славной историей Гамбургского восстания. Мы ставим перед собой значительно более скромную цель: на основе имеющихся в нашем распоряжении, частично еще не опубликованных, источников осветить некоторые стороны этой темы, касающиеся главным образом предыстории восстания.

* * *

Гамбургское восстание 1923 г. является одним из важнейших этапов героической борьбы немецкого рабочего класса в период революционного подъема, усилившегося в Германии под влиянием Октябрьской революции.

Над баррикадами Гамбурга гордо реяло великое знамя диктатуры пролетариата. «В этом отношении, — писал Эрнст Тельман, — гамбургские бои стоят на гораздо более высокой ступени, чем все выступления, имевшие место ранее. Например, мартовское выступление 1921 г. не выдерживает сравнения с Гамбургским восстанием»¹. Гамбургское восстание — образец прекрасно организованного революционного выступления, в ходе которого малочисленные и плохо вооруженные рабочие отряды, руководимые коммунистической партией, успешно сражались с двадцатикратно превосходившим их по численности, с ног до головы вооруженным противником.

С момента восстания прошло свыше 35 лет, однако оно еще не исследовано с необходимой полнотой в монографических трудах. Попытки историков-марксистов в этой области не идут пока дальше статей, брошюр, очерков, освещающих некоторые аспекты темы.

Между тем в распоряжении историков-марксистов имеются ценнейшие высказывания В. И. Ленина о рабочем движении Германии рассматриваемого периода. За последнее время в ГДР опубликованы сочинения ряда видных деятелей освободительной борьбы германского пролетариата, име-

¹ «Die Rote Fahne», 23.X.1925.

ющие большое значение и для изучения Гамбургского восстания. Мы имеем в виду прежде всего работы Э. Тельмана и В. Ульбрихта².

Революционные события 1923 г. нашли широкое отражение в периодической рабочей и буржуазной печати. В частности, советские историки располагают почти полным комплектом (за исключением некоторых номеров, напечатанных нелегально) газеты «Hamburger Volkszeitung» (орган КППГ), являющейся важнейшим источником при разработке данной темы. В распоряжении историка имеются и такие важные источники, как стенографические отчеты съездов КППГ, документы Коммунистического Интернационала и Красного Интернационала профсоюзов.

Что касается архивных материалов, то в послевоенные годы в результате разгрома фашизма и установления в Восточной Германии народно-демократического строя ученые получили возможность использовать важные документы, хранящиеся в архивах ГДР³.

В советских хранилищах также находятся ценные материалы и документы по истории германского рабочего движения тех лет. Так, например, в Архиве Музея Революции СССР имеются уникальные комплекты нелегальных коммунистических газет, брошюр, листовок, плакатов, изданных в Гамбурге в 1923 г.⁴ В Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) хранятся фонды советских профсоюзных организаций, свидетельствующие об огромном движении солидарности трудящихся Советской России с немецкими революционными рабочими, о сборе денежных средств и продовольствия для рабочих Рура в 1923 г. и т. д.⁵

Некоторые буржуазные и правосоциалистические историки по вполне понятным мотивам совершенно замалчивают Гамбургское восстание. Они стараются вырвать из германской истории, вытравить из памяти народа славную страницу, которую вписали в историю герои гамбургских баррикад⁶. Другая часть реакционных историков намеренно искажает истину, фальсифицирует историю с целью очернить восстание и его героев, вызвавших восхищение у всех передовых людей мира, и оправдать действия палачей и предателей народных масс. Придерживаясь принципа — «не может быть того, чего быть не должно», буржуазная историография скрывает или извращает факты и документы, свидетельствующие об антинациональной политике буржуазии, о грозной силе ее могильщика — пролетариата.

Так, К. Сигмар, Г. Хальгартен и другие лживо утверждают, будто в Гамбурге имело место не революционное восстание, а «коммунистический путч»⁷. Особенно усердствуют в извращении гамбургских событий автор фальсифицированной истории КППГ О. К. Флехтгейм и патриарх современных германских правых социалистов Ф. Штампфер. Признавая, что в 1923 г. Германия переживала «глубокий общий кризис», Флехтгейм в то же время полностью отрицает наличие условий для победы рабочего класса. Осенью 1923 г., утверждает он, стоял следующий вопрос: победа фашиз-

² E. Thälmann. Reden und Aufsätze zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. I. Berlin, 1955; W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. I. Berlin, 1955.

³ Разумеется, то, что западногерманские архивы, в частности государственные архивы Гамбурга, все еще закрыты для марксистских исследователей, в известной степени затрудняет исследование истории восстания. Однако и фонды имперского министерства внутренних дел, которые находятся в Центральном немецком архиве в Потсдаме (DZA Potsdam, Reichsministerium des Innern, № 13359 и др.), документы архива Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, а также фонды советских архивов являются весьма существенным подспорьем для разработки темы.

⁴ Архив Музея Революции СССР, № 5324/6, л. 443; № 16, 966/52, л. 443, 11952 и др.

⁵ ЦГАОР, ф. 5469, д. 167, он. 7, л. 2—23.

⁶ См., например, O. Braun. Von Weimar zu Hitler. New York, 1940; B. Stüdt, H. Olsen. Hamburg. Die Geschichte einer Stadt. Hamburg, 1951; E. Eysck. Geschichte der Weimarer Republik, Bd. I. Erlenbach — Zürich, 1954.

⁷ K. Siegmar. Geschichte unserer Zeit, Bd. III. Leipzig, 1930, S. 140; G. W. F. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt a. M., 1955, S. 33; «Schulthess' Europäischer Geschichtskalender. 1928», hrsg. von Ulrich Thürauf. München, 1928, S. 202.

ма или возрождение Веймарской республики. Гамбургское восстание Флехтгейм объясняет «трагической случайностью»⁸. Среди «доводов», которыми оперирует Штампфер, фальсифицируя причины Гамбургского восстания, фигурирует лживая версия о том, будто в 1923 г. в стране вовсе не было революционной ситуации, что рабочие массы не были готовы и не хотели сражаться за политическую власть⁹.

Подобные толкования не имеют ничего общего с историческими фактами, с реальной действительностью. В. И. Ленин указывал, что в период империализма направленность буржуазной общественной мысли определяется борьбой буржуазии против марксизма, за сохранение основ капиталистического строя. Для достижения этих целей буржуазные ученые жертвуют научной истиной¹⁰.

Многочисленные и неопровержимые источники, документы и материалы полностью разоблачают буржуазных фальсификаторов, в частности тех, кто пытается извратить историю революционных боев 1923 г. в Германии. Гамбургское восстание было частью революционного кризиса, который переживала тогда страна. Небывалый подъем массового движения в 1923 г. явился результатом глубоких экономических и политических потрясений. В революционные выступления были вовлечены не только рабочие, батраки, мелкое крестьянство, но и городская мелкая буржуазия, некоторая часть чиновничества и трудовая интеллигенция. Движущей силой массового движения был рабочий класс, закаленный в огне классовой борьбы предшествовавших десятилетий и в особенности в годы послевоенного кризиса.

В рассматриваемый период в Германии, более чем в какой-либо другой западноевропейской стране, сложились объективные условия для пролетарской революции. Экономически Германия полностью созрела для этой революции¹¹. Но Ленин учил, что революция может развернуться лишь тогда, когда «низы», т. е. трудящиеся массы, не хотят больше жить по-старому, а «верхи», т. е. господствующие классы, не могут управлять по-старому. Для революции необходимо, во-первых, чтобы большинство вполне поняло необходимость переворота и было готово идти на смерть ради него, а во-вторых, чтобы правящие классы оказались в таком положении, переживали такой кризис своей власти, который обессиливает правительство и позволяет революционерам быстрее свергнуть его¹².

К осени 1923 г. эти условия были в Германии налицо. Экономическая и политическая жизнь страны в течение всего 1923 г. протекала под знаком оккупации Рурской области. Более того, оккупация промышленного сердца Германии 100-тысячной франко-бельгийской армией вызвала крутой перелом и в международной обстановке. Рурский конфликт представлял собой серьезную угрозу для безопасности не только Германии, но и всей Западной Европы.

В то же время оккупация Рура чрезвычайно обострила внутреннее положение Германии. Началось небывалое расстройство хозяйственной жизни страны¹³. Быстро надвигался полный крах денежной системы. Цены на товары возросли к 23 августа 1923 г. более чем в 1,5 млн. раз по сравнению с довоенным временем. Инфляция означала разорение и неслыханное обнищание рабочего класса и других трудящихся города и деревни, приняла характер небывалого народного бедствия. Армия безработных вы-

⁸ О. К. Flechtheim. Die Kommunistische Partei Deutschlands in der Weimarer Republik. Offenbach a. M., 1948, S. 97.

⁹ F. Stampfer. Die ersten 14 Jahre der Deutschen Republik. Offenbach a. M., 1947. S. 358.

¹⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 328.

¹¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 331—333.

¹² См. В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 65—66.

¹³ Индекс промышленной продукции Германии в 1923 г. был равен 46,9 пунктам (1913 г. = 100).— Э. Я. Брегель. Денежное обращение и кредит капиталистических стран. М., 1955, стр. 48.

рекла до рекордных в истории Германии размеров: более 60% пролетариев были лишены работы полностью или частично. Инфляционный шторм смыл мелких вкладчиков сберегательных касс и держателей ценных бумаг. Доходы людей свободных профессий и государственных служащих приближались к обесцененной заработной плате рабочих.

Крупные промышленники и юнкеры использовали инфляцию для дальнейшего обогащения за счет трудящихся, для спекулятивных махинаций с марками на международных биржах, саботажа налогов. Инфляция помогла также монополистам ограбить и разорить сотни тысяч мелких и средних предпринимателей. Процесс концентрации капитала развивался в ускоренном темпе¹⁴.

К тягестям Версальского договора, которые целиком были переложены на плечи трудящихся, прибавились расходы по так называемому «пассивному сопротивлению». Призвав к прекращению работы на шахтах и предприятиях Рура, германское правительство стремилось в то же время не допустить активного выступления народных масс против оккупантов, опасаясь перерастания его в борьбу против буржуазного строя в Германии. «Пассивное сопротивление» было задумано как средство давления на французскую буржуазию с целью заставить ее пойти на соглашение с германскими монополистами.

Взяв на себя финансирование кампании «пассивного сопротивления», правительство Куно не только освободило крупную буржуазию от налогов, но и предоставило ей пособия и кредиты в золотой валюте, получая их назад в обесцененных марках. А в то же время рабочие всей Германии вносили 10% своей заработной платы в «фонд рурской помощи».

Ежемесячные расходы на «пассивное сопротивление», которые фактически шли в карманы промышленников, составляли 200 млн. золотых марок¹⁵. Не удивительно, что вскоре государственный золотой запас был опустошен. В конце июня 1923 г. правительство было в состоянии покрывать только 2% государственных расходов¹⁶.

Господствующие классы были дезорганизованы и испуганы. Сепаратисты во главе с К. Аденауэром стремились отделить от Германии ее индустриальные районы. Все более нагло и открыто выступали баварские фашистские банды, оплачиваемые крупной буржуазией.

Оккупация Рура и антинародная политика немецкой буржуазии вызвали законный гнев народных масс. Некоторая часть городской мелкой буржуазии и мелкого крестьянства склонялась в сторону революционно настроенных рабочих. Широкие слои населения на собственном опыте убеждались, что германская буржуазия в рурском вопросе исходит не из национальных интересов страны, что стиннесы и тиссенсы преследуют исключительно свои корыстные интересы дальнейшей наживы¹⁷ и разгрома германского революционного движения.

Провоцируя оккупацию Рура, принесшую столько страданий трудящимся, германские монополисты стремились втянуть в конфликт США и Англию, чтобы при их содействии заставить французских монополистов пойти на уступки в давнишнем торге между Германией и Францией об угле и стали. Франция же, начиная военное наступление на Германию, стремилась укрепить свою гегемонию в Европе.

Авантюре Пуанкаре в немалой степени способствовала двуличность английской дипломатии. Английские монополисты стремились выступить

¹⁴ Э. Варга. Мировое хозяйство и экономическая политика в 1923 году. М., 1924, стр. 141.

¹⁵ Ш. Дволайцкий. Германия в 1923 г. Финансово-экономические очерки. М., 1924, стр. 18.

¹⁶ Там же, стр. 20.

¹⁷ Гуго Стиннес, используя инфляцию, увеличил свой капитал с 1 до 3 млрд. золотых марок. В 1923 г. ему принадлежали 1220 промышленных, банковских, торговых предприятий, с 600 тыс. рабочих и служащих.— W. Hanisch. Die Hundertschaften der Arbeiterwehr. Berlin, 1958, S. 15—16.

в традиционной роли арбитра между Германией и Францией, обессилёнными в «рурской войне». Исходя из этой тактики, английское правительство, с одной стороны, клялось в верности Франции, а с другой, через своего посла в Берлине лорда Д'Абернона обнадеживало германские правящие круги, а затем вдохновляло их на продолжение «пассивного сопротивления».

Империалистические круги США были намерены использовать обострение противоречий между Германией, Францией и Англией в своих интересах. Поэтому США содействовали французским империалистам в подготовке агрессии против Германии¹⁸.

В этой опасной и сложной обстановке Коммунистическая партия Германии была единственной политической силой в стране, последовательно выступившей в защиту социальных и национальных интересов немецкого народа. Она призывала к единству действий рабочего класса в борьбе против двойного гнета германского и иностранного империализма. Выдвинутый КПГ лозунг — «Нанесем удар Куно и Пуанкаре и на Руре и на Шпрее» — был подхвачен широкими массами и послужил боевой программой для установления широкого единого фронта.

VIII съезд КПГ (январь 1923 г.) разоблачил немецких и иностранных провокаторов рурского конфликта и в своем манифесте заявил, что только посредством единства действий всех трудящихся можно добиться успеха в борьбе за социальное и национальное освобождение немецкого народа. «Нельзя дольше терпеть нужду, которая является результатом экономической войны в Руре, — говорилось в манифесте, — нельзя дольше терпеть контрреволюционные организации, которые стремятся сбить с ног рабочий класс Германии! Нельзя дольше терпеть возню провокаторов, которые в интересах Тиссена и Стиннеса стремятся разжечь новую войну»¹⁹.

КПГ разоблачала правых лидеров социал-демократической партии и реформистских профсоюзов, систематически отклонявших предложения компартии об объявлении всеобщей забастовки против оккупации Рура, об установлении единства действий и призывавших трудящихся к поддержке правительства национальной измены²⁰.

В феврале 1923 г. лидеры социал-демократической партии заключили тайное соглашение с генералом Сектом о расширении рейхсвера²¹ и вооружении «черного рейхсвера»; 100-тысячная армия, которой Германия располагала по Версальскому договору, не могла справиться с нарастающими революционными выступлениями рабочего класса. Все большее участие принимали в этих выступлениях городская мелкая буржуазия и крестьянские массы, находившиеся в бедственном положении.

В стране создавался общий фронт недовольных и обездоленных, выступавший против французских оккупантов и ненавистного правительства Куно.

Во главе масс находилась коммунистическая партия. Вопреки пропискам правых оппортунистов — Брандлера, Тальгеймера, Радека и других, революционное крыло партии, в которое входили Э. Тельман, В. Пик, К. Цеткин, В. Ульбрихт и др., вело успешную борьбу за создание единого фронта. По всей стране создавались единые боевые организации рабочего класса — пролетарские сотни²², контрольные комиссии по борьбе со спекуляцией, в которых принимали участие коммунистические, социал-демократические

¹⁸ См. К. Obermann. Die Beziehungen des amerikanischen Imperialismus zum deutschen Imperialismus in der Zeit der Weimarer Republik. Berlin, 1952. S. 119.

¹⁹ «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914—1946». Berlin, 1955. S. 127.

²⁰ W. Pieck. Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Berlin, 1949. S. 16.

²¹ W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. I. S. 127.

²² К началу октября существовало 800 пролетарских сотен, насчитывавших около 100 тыс. человек. См. H. Gast. Die proletarischen Hundertschaften als Organe der Einheitsfront im Jahre 1923. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, H. 3, S. 452.

и беспартийные рабочие. Самыми же важными центрами пролетарского единства были фабзавкомы, наиболее массовые и гибкие органы единого рабочего фронта. В своей экономической борьбе фабзавкомы опирались на контрольные комитеты, а в военной области — на пролетарские сотни²³.

Революционный кризис созрел быстрыми темпами. Его проявлением были многочисленные стачки, происходившие весной и летом 1923 г. в Рура, Верхней Силезии, Гамбурге и других местностях страны.

Борьба германского пролетариата нашла широкий отклик среди трудящихся масс всех стран Европы. Повсюду происходили массовые демонстрации и митинги протеста против оккупации Рура, в поддержку германских рабочих. Огромную помощь германским трудящимся оказала Советская Россия.

У всех был еще тогда свеж в памяти Рапалльский договор, который вывел Германию из состояния международной изоляции. В момент национального бедствия взоры трудящихся были снова направлены на Восток. Их надежды оказались не напрасными. Как только весть об оккупации Рура дошла до Москвы, советское правительство от имени народов Советской страны заявило решительный протест против вступления французских и бельгийских войск в Рурскую область.

«Суверенитет германского народа нарушен, — говорилось в обращении ВЦИК к народам всего мира от 13 января 1923 г. — Право германского народа на самоопределение растоптано ногами. Распатанному народному хозяйству Германии нанесен новый сокрушительный удар. Жестокая нищета и неслыханные угнетения грозят трудящимся массам Германии, а всей Европе — усиление экономической разрухи. Мир снова ввержен в состояние предвоенной лихорадки...

В эти решающие дни рабоче-крестьянская Россия снова подымает голос негодующего протеста против безумной политики империалистической Франции и ее союзниц. Снова и с особой энергией она протестует против подавления права германского народа на самоопределение»²⁴.

По всей Советской стране прошли собрания, митинги, демонстрации. 15 января в Москве состоялась мощная рабочая демонстрация в знак протеста против оккупации Рура. Участники демонстрации выразили чувства солидарности с борющимся рабочим классом Германии. Рабочие и крестьяне всей страны горячо откликнулись на призыв ВЦСПС и оказали германским рабочим помощь продовольствием и деньгами²⁵. Для организации сбора средств был впоследствии создан Всероссийский комитет помощи Германии, в который вошли представители профсоюзных и других общественных организаций страны.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции нами найден циркуляр Надеждинского районного комитета профсоюза металлистов, в котором говорится: «Во время гражданской войны, голода и разрухи рабочие Запада пришли нам на помощь, теперь наш черед. Комитет профсоюза призывает всех рабочих и служащих организовать субботники и весь заработок от субботников и сверхурочных работ послать в помощь рурским рабочим»²⁶.

В кампанию солидарности с германским пролетариатом включились также крестьяне. Так, например, крестьяне Вятской губернии внесли в фонд помощи 3 тыс. пудов хлеба. Когда делегация крестьян привезла хлеб в Москву, она встретилась с Кларой Цеткин, которая горячо поблагодарила ее от имени германских рабочих²⁷.

ВЦСПС направил в Германию 10 тыс. тонн зерна и 100 тыс. рублей зо-

²³ А. Панкратова. Фабзавкомы в германской революции. М., 1924, стр. 105; см. также «Пути Германии. Экономические факторы и социальные силы». М.—Л., 1925, стр. 212.

²⁴ «Внепная политика СССР. Сборник документов», т. II. М., 1944, стр. 707.

²⁵ ЦГАОР, ф. 5469, д. 167, оп. 7, л. 2.

²⁶ Там же, л. 4.

²⁷ «Рабочая газета», 24.XI.1923.

лотом²⁸. Для сопровождения пароходов с хлебом была выделена специальная делегация, в которую вошли представители трудящихся Москвы, Ленинграда, Нижнего Новгорода, Харькова. Руководил делегацией рабочий т. Козелев, член КПСС с 1910 г., председатель Нижегородского райкома металлистов. В делегацию входили также председатель завкома крупнейшего московского металлургического завода «Серп и молот» т. Гуськов, член Петербургского Совета в 1905 г. т. Трофимов и др.²⁹ «Hamburger Volkszeitung» сообщила 3 мая 1923 г., что делегация была восторженно встречена рабочими Берлина и Гамбурга.

В ЦГАОР хранится письмо, направленное в ВЦСПС работником Межрабпома Максом Бартеlem из Берлина; в письме сообщается о прибытии в Гамбург советского парохода «Русь» с зерном для рурских рабочих. Бартель пишет: «Пароход с русским хлебом был встречен с большим воодушевлением. На всех собраниях в Гамбурге, Бремене и Берлине ваша пролетарская помощь горячо приветствовалась. Советская делегация с успехом выступает на рабочих собраниях. Дело помощи Руру имеет величайшее политическое значение. Буржуазия и ее пропаганда обанкротилась. Она не может сейчас кричать о том, что большевики разорили Россию, так как ваш хлеб наполняет наши желудки, но русский хлеб нашел путь не только к желудку немецкого рабочего, но и к его сердцу»³⁰.

Э. Тельман, который организовал в 1923 г. помол советского зерна и отправку муки рабочим Рура, впоследствии говорил по поводу помощи Советской России: «Русские рабочие и крестьяне не забыли и никогда не забудут, что в 1921 году, когда над их социалистическим отечеством разразилась катастрофа голода, им была оказана помощь благодаря международной солидарности мирового пролетариата. Но германские рабочие также не забыли и не забудут 1923 год, когда русские рабочие были уже настолько сильны, что при занятии Рурской области версальскими державами, главным образом французским империализмом, они могли доставить хлеб голодающим рурским рабочим и их детям... Тогда даже международная социал-демократия временно почувствовала себя обессиленной и не могла продолжать идеологическую травлю против СССР»³¹.

Международная солидарность пролетариата явилась серьезной поддержкой борьбы трудящихся масс Германии против своих угнетателей.

* * *

Внутренняя и внешняя политика правительства Куно потерпела полный крах. «Пассивное сопротивление» не привело к эвакуации французских войск. Страна переживала небывалый экономический и финансовый упадок. С каждым днем обострялись классовые противоречия.

Несмотря на противодействие правых лидеров социал-демократической партии, конференция фабзавкомов Берлина, состоявшаяся 11 августа 1923 г., решила провести всеобщую забастовку. Рабочие выдвинули следующие требования: свержение правительства Куно, образование рабоче-крестьянского правительства, немедленная выплата 10 млн. марок каждому рабочему, служащему и чиновнику³², конфискация всех продовольственных товаров с целью обеспечения населения, немедленное официальное признание пролетарских контрольных комиссий и др.³³

Забастовка, в которой участвовало 3 млн. рабочих³⁴, мгновенно охва-

²⁸ W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. I, S. 129.

²⁹ Э. Б. Генкина. Интернациональные связи рабочего класса СССР в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.).— «Из истории рабочего класса и революционного движения». М., 1958, стр. 489; см. также ЦГАОР, ф. 5469, д. 1, оп. 7, л. 23.

³⁰ ЦГАОР, ф. 5451, д. 96, оп. 13, л. 3—5.

³¹ «Стенографический отчет XI пленума ИККИ», вып. II. М., 1931, стр. 202—203.

³² ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 27, л. 156—157.

³³ W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. I, S. 125.

³⁴ «Международное продвижение 1923—1924 гг.». М., 1924, стр. 32.

тила важнейшие центры страны. В первый же день забастовки правительство Куно было сметено. В стране создалась исключительно благоприятная обстановка для борьбы за рабочее правительство, но момент был упущен по вине правых лидеров социал-демократической партии и брандлеровцев. Оппортунистическое руководство ЦК КППГ — Брандлер, Тальгеймер и др. — в самый решительный момент приостановило массовое движение против правительства Куно. На V конгрессе Коминтерна Э. Тельман говорил: «Во время антикуновского движения очень ясно обнаружилось, что массы выступали скорее по собственной инициативе, побуждаемые собственной энергией, и застали Партию врасплох»³⁵. Мощное выступление пролетариата не имело конкретной политической цели. Этим воспользовались буржуазия и правые лидеры социал-демократической партии, образовавшие коалиционное правительство во главе с лидером Народной партии — одной из партий крупной буржуазии — Штреземаном.

14 августа, в момент прекращения всеобщей забастовки, крупные отряды рабочих Саксонии, Любека, Гамбурга и других мест только включались в борьбу. Так, например, в Гамбурге всеобщая забастовка, охватившая подавляющее большинство рабочих и служащих, несмотря на расстрелы рабочих демонстраций³⁶, аресты членов фабзавкомов и стачечных комитетов, увольнение, осадное положение³⁷ и запрещение коммунистической газеты «Hamburger Volkszeitung», длилась на большинстве предприятий Гамбурга до 17 августа. Рабочие заявляли: «продолжим забастовку до полного удовлетворения наших законных требований»³⁸.

Оправдываясь перед рабочими, брандлеровцы заявляли в воззвании от 14 августа: «Обещания правительства улучшить положение рабочего класса и продовольственное снабжение населения произвели соответствующее впечатление на рабочих. Обещания коалиционного правительства Штреземана создали новые иллюзии в массах. Социал-демократы помогли их распространению. Поэтому мы считали правильным решение ЦК фабзавкомов о прекращении стачечной борьбы»³⁹.

Анализируя эти события, Ф. Геккерт указывал, что из-за оппортунистического подхода к оценке ситуации в стране брандлеровцы заняли хвостистскую позицию и, поскольку КППГ не подготовила стачки, социал-демократы получили возможность образовать вместе со Штреземаном новое правительство⁴⁰.

Это правительство с первых дней своего существования перешло в решительное наступление по всему фронту. 15 августа социал-демократический министр внутренних дел распустил общегерманский исполком фабзавкомов. 29 августа был разогнан берлинский исполком фабзавкомов и арестован ряд его членов-коммунистов. В стране было введено осадное положение, установлена военная диктатура, исполнительная власть передана военному министру Геслеру.

8-часовой рабочий день был отменен, забастовки запрещены, коммунистическая печать закрыта; были введены чрезвычайные суды и смертная казнь за «антигосударственную деятельность».

29 августа 1923 г. в интервью с корреспондентами английской газеты «Daily Graphic» Штреземан заявил: «Если мое правительство уйдет со сцены, ничего не добившись, тогда я, очевидно, буду последним буржуазным канцлером Германии. Тогда не только Германия, но и большая часть Европы подпадет под господство большевизма»⁴¹. Министр финансов со-

³⁵ «Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», ч. I. М.—Л., 1925, стр. 245—246.

³⁶ DZA Potsdam, RdI, № 13360, Bl. 190, 195—207.

³⁷ DZA Potsdam, RdI, № 1322, Bl. 113—117.

³⁸ «Die Rote Fahne», 15, 16, 17.VIII.1923.

³⁹ Архив Музея Революции СССР, № 5324/6, л. 443.

⁴⁰ Ф. Геккерт. Германия в октябре 1923 г.— «Коммунистический Интернационал», 1934. № 5, стр. 60.

⁴¹ Цит. по: «Die Rote Fahne», 30.VIII.1923.

циал-демократ Гильфердинг 12 сентября заявил: «Мы переживаем наиболее критический период с момента основания германского государства»⁴². Позднее министр-президент Пруссии Отто Браун признавал, что «1923 г. был очень бурным и самым опасным для существования Веймарской республики»⁴³.

Таким образом, весь буржуазный государственный аппарат, весь буржуазный лагерь находились в состоянии растерянности и паники; налицо был бесспорно «кризис верхов».

27 сентября правительство Штреземана прекратило «пассивное сопротивление», видя, что в борьбу против оккупации Рура втягиваются все более широкие массы трудящихся. Но этот акт, в котором массы увидели капитуляцию перед оккупантами, еще более революционизировал рабочий класс. «Массы не хотели больше жить по-старому,— писал В. Пик,— а буржуазия и правительство не могли больше управлять старыми парламентскими средствами»⁴⁴.

В сентябре и октябре по всей стране прошла новая мощная волна забастовок и демонстраций, которые часто сопровождались кровопролитными столкновениями с полицией и частями рейхсвера. Особо бурный характер носили революционные выступления трудящихся Берлина и Гамбурга. Повсеместно происходили голодные бунты; население громило продовольственные склады.

Соотношение классовых сил неуклонно изменялось в пользу революционного лагеря. Совместные выступления рабочих — коммунистов, социал-демократов и беспартийных как в оккупированной, так и в неоккупированной частях Германии сорвали все попытки открытой фашизации страны и опасные планы сепаратистов.

В ходе классовых боев влияние социал-демократов слабело, коммунистическая же партия неуклонно усиливала свой авторитет в массах. Социал-демократия в течение 1923 г. потеряла свыше половины членского состава, коммунистическая же партия выросла почти вдвое⁴⁵. В частности, гамбургская организация социал-демократической партии сократилась за этот период с 72 до 48 тыс. членов, а коммунистическая организация выросла с 10 до 18 тыс.⁴⁶ Под влиянием КПГ находилась половина членов наиболее важных германских профсоюзов⁴⁷.

Под натиском революционной борьбы масс в октябре 1923 г. образовались рабочие правительства Саксонии и Тюрингии, состоявшие из левых социал-демократов и коммунистов.

«Финансовый кризис в Германии,— писал И. В. Сталин, характеризуя положение, сложившееся к осени 1923 г.,— принимает катастрофический характер; в недрах германского правительства начинается развал и министерская чехарда; волна революции поднимается, взрывая социал-демократию; начинается массовая перебежка рабочих от социал-демократии к коммунистам; вопрос о взятии власти коммунистами становится на очередь дня»⁴⁸.

Факты свидетельствуют о том, что осенью 1923 г. в Германии сложилась непосредственная революционная ситуация. Даже таким мастерам

⁴² Цит. по кн.: Г. Л. Розанов. Очерки новейшей истории Германии. М., 1957, стр. 97.

⁴³ O. Braun. Von Weimar zu Hitler, S. 136.

⁴⁴ W. Pieck. Zur Geschichte der KPD, S. 16.

⁴⁵ На VIII съезде КПГ В. Пик сообщил, что партия насчитывает 224 389 человек («Bericht über die Verhandlungen des III (8) Parteitages der KPD»: см. также ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 21, л. 76). К осени 1923 г. численность КПГ увеличилась до 400 тыс. человек.— «Jahrbuch für Politik-Wirtschaft-Arbeiterbewegung. 1923/24». S. 51.

⁴⁶ См. W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. I, S. 139.

⁴⁷ H. Habedank. Zur Geschichte des Hamburger Aufstandes 1923. Berlin, 1958, S. 69.

⁴⁸ И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 63.

~~фальсификация~~, какими являются германские буржуазные и правосоциалистические историки, не удалось это замолчать или опровергнуть.

Но хотя объективные предпосылки для развертывания пролетарской революции были налицо, рабочий класс Германии, за исключением Гамбурга, отступил, не приняв боя. Буржуазии при помощи руководства социал-демократии, а также брандлеровцев снова удалось удержаться у власти.

Еще в 1915 г. В. И. Ленин указывал в своей известной работе «Крах II Интернационала»: «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции»⁴⁹. Революция возникает лишь из такой революционной ситуации, писал В. И. Ленин, когда к объективным переменам «присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»⁵⁰.

Обязанностью социалистических партий, указывал далее В. И. Ленин, является «использовать» кризис для «ускорения» краха капитализма... Неисполнение современными партиями этой своей обязанности и есть их измена, их политическая смерть, их отречение от своей роли, их переход на сторону буржуазии»⁵¹.

Изменив своему долгу и перейдя в лагерь буржуазии, лидеры социал-демократии и реформистских профсоюзов в 1923 г. раскололи рабочий класс Германии, сделали все, чтобы помешать объединению его сил во всей стране для борьбы против реакции, для генерального штурма буржуазной власти. Правая социал-демократия, которая поддерживала германский империализм на протяжении всей войны 1914—1918 гг., помешала пролетариату добиться победы в 1918—1919 гг., в период революционного кризиса 1923 г. вновь спасла германское буржуазное государство, которое трещало по всем швам. Каутский, Гильфердинг, Штампфер и им подобные неустанно обманывали, усыпляли, духовно разоружали рабочий класс.

В этой ситуации главной задачей коммунистической партии была борьба за революционный выход из политического кризиса, завоевание большинства рабочих и крестьян и организация вооруженного восстания для свержения власти буржуазии и создания рабоче-крестьянского правительства.

Между тем Брандлер и его оппортунистическая группа, пробравшаяся к руководству партией, с самого начала рурского конфликта всячески сдерживали массовые выступления рабочего класса. Придерживаясь социал-реформистских теорий об автоматическом крахе капитализма, брандлеровцы тормозили подготовку партии и рабочего класса к предстоящей вооруженной борьбе за власть. Они отчаянно противились принятию решения о вооруженном восстании.

Однако полностью игнорировать требования масс и помешать принятию такого решения они не сумели. Левое крыло партии во главе с Э. Тельманом, опираясь на волю трудящихся и низовые партийные организации, заставило ЦК КПП взять курс на вооруженное восстание.

При ЦК КПП был образован под руководством Э. Шнеллера военный совет, в состав которого входил также В. Ульбрихт. Военный совет организовал приобретение, хранение и транспортировку оружия и боеприпасов для боевых дружин, разработал боевой план восстания и т. д.

Между тем брандлеровцы продолжали игнорировать важнейшие элементы подготовки восстания. Вместо того чтобы сказать рабочим, что они

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189.

⁵⁰ Там же, стр. 190.

⁵¹ Там же, стр. 193.

должны сами вырвать оружие из рук буржуазии, брандлеровцы сеяли иллюзии, что накануне «решительного боя» партия даст оружие всему пролетариату. Брандлер ввел рабочих в заблуждение своими заявлениями о том, что в нужный момент правительства Саксонии и Тюрингии откроют для них свои арсеналы.

Боевой план, принятый ЦК КПГ в сентябре 1923 г., в основном сводился к следующему: «Пролетариат начинает выступление в Саксонии, поднимаясь на защиту рабочего правительства, в которое мы должны войти. Саксонский пролетариат пытается использовать государственную власть в целях собственного вооружения и образует в густо населенном пролетарском районе Средней Германии средостение между баварской контрреволюцией на Юге и фашизмом на Севере. Одновременно партия, мобилизовав массы, выступает во всем государстве»⁵².

В развитие этого плана ЦК КПГ выделил оперативную группу ЦК («Корф»), которая в начале октября переехала в Дрезден.

В. Ульбрихт, анализируя этот план, пишет, что он «предусматривал только приостановку железнодорожного движения в направлении Саксонии и Тюрингии. В качестве опорного пункта рассматривался Гамбург, но недооценивалось значение Рурской области и Берлина.

Когда обращали внимание Брандлера на то, что необходимо вооружить рурских рабочих, он всегда отвечал: «Рурские рабочие вооружены и могут сами себя вооружить»⁵³.

В Саксонии и Тюрингии обстановка наиболее благоприятствовала решительному выступлению рабочего класса. Коммунисты и социал-демократы имели большинство в ландтагах. У власти стояли рабочие правительства. В Саксонии было сконцентрировано более трети пролетарских сотен всей страны. Это вызывало большие надежды среди трудящихся. Они надеялись, что Саксония и Тюрингия станут действительными центрами революционного пролетариата в борьбе за власть.

Когда коалиционное правительство Штреземана назначило своими военными комиссарами (с диктаторскими полномочиями) реакционного генерала Мюллера — в Саксонию и палача рабочих Германии в 1919 г. Рейнгардта — в Тюрингию, когда к границам этих земель начали стягиваться войска рейхсвера, рабочие повсюду стали усиленно готовиться к всеобщей забастовке в защиту пролетариата Саксонии и Тюрингии. Запрещенный общегерманский исполком фабзавкомов продолжал свою деятельность в г. Иене (Тюрингия).

Генерал Мюллер издал приказ о запрещении 1-го конгресса пролетарских сотен, но революционные рабочие вопреки приказу нелегально собрали конгресс 13 октября в предместье Хемница⁵⁴. В Лейпциге был опубликован призыв к рабочим о записи в дружины пролетарской самообороны. Мюллер угрожал, что «военные власти сломят сопротивление пролетариата».

Наступили решающие дни. Между тем «рабочее правительство» Саксонии, возглавлявшееся левым социал-демократом Цейгнером, ограничивалось словесными протестами против диктаторских действий Мюллера. Цейгнер успокаивал рабочих и сеял иллюзии о мирном разрешении конфликта. В то же время буржуазия деятельно готовилась к гражданской войне против пролетариата. Рейхстаг принял закон о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий. Геслера заменил генерал Сект, наделенный полномочиями военного диктатора. Генерал Мюллер предъявил ультиматум саксонскому правительству, потребовав немедленного прекращения деятельности пролетарских сотен и подчинения закону

⁵² «Очерки по истории вооруженных восстаний», т. 2, вып. I. М., 1931, стр. 70.

⁵³ См. W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. I, S. 136.

⁵⁴ W. Hanisch. Die Hundertschaften..., S. 81.

об едином вооружении. 21 октября части рейхсвера начали вступать в город Саксония.

В это время особенно полно обнаружилась предательская политика Брандлера и Тальгеймера. С самого начала рурского кризиса оппортунистическое руководство КПГ занимало хвостистскую позицию по основным вопросам революционной борьбы рабочего класса. На VIII съезде КПГ в январе 1923 г. Брандлер и Тальгеймер игнорировали решения Коммунистического Интернационала и провели свои правооппортунистические установки по вопросам о едином фронте и рабочем правительстве. «Троцкий и Радек и их ближайшие единомышленники, — говорилось в решениях XIV конференции РКП(б), — целиком поддерживали тактику группы Брандлера в 1923 г., — группы, пытавшейся истолковать тактику единого фронта как тактику коалиции с социал-демократами»⁵⁵.

Брандлеровцы оппортунистически трактовали вопрос о едином фронте и рабочем правительстве, «сводя его к беспринципной тактике блокирования с социал-демократическими партиями на основе чисто парламентских комбинаций»⁵⁶. Они сеяли иллюзии о возможности мирного завоевания власти в тех условиях. Это было извращением учения марксизма-ленинизма о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Брандлер даже в августе 1923 г., в условиях быстрого нарастания революционного кризиса, угрожал исключением из партии тем коммунистам, в том числе Э. Тельману, которые требовали ориентации партии на борьбу за диктатуру пролетариата⁵⁷.

После вступления в рабочие правительства Саксонии и Тюрингии министры-коммунисты оказались на поводу у левых социал-демократов. Они не выступили против заявления Цейгнера, сделанного в его правительственной декларации, что вступление коммунистов в саксонское правительство будто бы имеет целью предотвратить революцию; это дезориентировало рабочие массы.

При участии министров-коммунистов саксонское правительство решило выдать компенсацию в сумме 14 млн. марок бывшему королю Саксонии. В то же время правительство ничего не сделало для улучшения положения рабочих. Вместо обращения к трудящимся массам с призывом к решительной борьбе, к отпору генералу Мюллеру министр-коммунист Бетхер выступил в ландтаге с оппортунистической речью, в которой сказал: «Мы ответственны перед большинством ландтага и конституцией»⁵⁸. А в это время части рейхсвера, посланные Эбертом якобы против баварских фашистов, продолжали занимать Саксонию и Тюрингию.

20 октября в Дрездене состоялось решающее заседание «Корф», на котором вопреки отчаянным возражениям брандлеровцев был окончательно утвержден план всегерманского вооруженного восстания. Согласно плану, рабочие Гамбурга должны были в ночь на 23 октября начать восстание в защиту Саксонии, подвергшейся нападению рейхсвера. Вооруженная борьба в Гамбурге должна была послужить сигналом к выступлению рабочих всей страны.

Тактический замысел плана заключался также в том, что начавшееся в Гамбурге восстание должно было дезориентировать имперское правительство, которое с тревогой ожидало «крупных беспорядков» прежде всего в Саксонии. Гамбург должен был отвлечь часть войск рейхсвера из Саксонии и Тюрингии.

⁵⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7-е, ч. II. М., 1953, стр. 51.

⁵⁶ Г. Димитров. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935, стр. 69—70.

⁵⁷ «Protokoll des V Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», Bd. I, S. 246.

⁵⁸ См. «Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», ч. I, стр. 248.

Выбор пал на Гамбург не случайно. Вольный ганзейский город-республика Гамбург являлся одним из важнейших экономических и политических центров страны, крупнейшим портом в Европе, имевшим военно-стратегическое значение. Гамбург был избран для ответственной и почетной задачи не только потому, что как важный рабочий центр имел старые и славные революционные традиции, но главным образом потому, что он в 1923 г. играл крупную роль в революционных боях германского пролетариата.

После оккупации Рура в Гамбурге и во всем Приморье развернулось мощное стачечное движение. Забастовки, носившие экономический, а зачастую и политический характер, проходили под лозунгами — за рабочий сенат Гамбурга, за всегерманское рабочее правительство; в забастовках приняло участие большинство рабочих и моряков⁵⁹. Гамбург стал ареной многочисленных и кровопролитных боев с полицией.

Характерно, что, несмотря на противодействие социал-демократических лидеров и профсоюзных бонз, против реакционной политики социал-демократических руководителей гамбургского сената, под лозунгами компартии, плечом к плечу с коммунистами боролись рядовые социал-демократы, беспартийные рабочие и значительная часть городской мелкой буржуазии⁶⁰.

Перепуганный сенат совместно с имперским министерством внутренних дел уже в феврале 1923 г. составлял планы введения в Гамбурге осадного положения⁶¹, которое и было объявлено 13 августа — на полтора месяца раньше, чем оно было введено в общегерманском масштабе⁶².

В секретном письме гамбургского сената имперскому министру внутренних дел от 12 сентября, хранящемся в потсдамском архиве, говорится, что «беспорядки» представляют серьезную опасность, что рабочие всегда готовы к нападению на полицию, продовольственные склады и собираются перейти к «другим видам борьбы». По имевшимся в распоряжении полиции агентурным сведениям, «коммунисты готовят государственный переворот с целью установления рабоче-крестьянского правительства». Сенат просил продлить осадное положение, ибо только этим способом, говорится в документе, можно поддерживать общественный порядок в Гамбурге. Сенат также обращал внимание на то обстоятельство, что «беспорядки» могут отпугнуть международные пароходные компании, которые будут направлять свои торговые суда в более спокойные гавани⁶³.

20 октября, после решения «Korff» о вооруженном восстании, состоялось общее собрание фабзавкомов г. Хемница, которое постановило в случае вступления частей рейхсвера в Западную Саксонию немедленно объявить всеобщую забастовку. В ночь на 21 октября, в связи с известием о дальнейшем продвижении войск, были подняты по боевой тревоге все хемницкие пролетарские сотни.

Только в саду Народного дома в Хемнице 21 октября были сконцентрированы 300—400 пролетарских сотен, находившихся в полной боевой готовности. Везде были расставлены наблюдательные посты, следившие за передвижением рейхсвера. Часть дружинников имела огнестрельное оружие, другая часть была вооружена самодельными гранатами и бомбами⁶⁴.

⁵⁹ «Hamburger Volkszeitung», 11.VIII.1923.

⁶⁰ Подробнее о революционных событиях 1923 г. в Гамбурге см.: Д. С. Давидович. Гамбургское восстание 1923 г.— «Вопросы истории», 1948, № 11.

⁶¹ DZA Potsdam, RdI, № 13360 (письмо имперского министра внутренних дел гамбургскому сенату от 3 февраля 1923 г.); см. также: DZA Potsdam, RdI, № 13360, Bl. 178—133.

⁶² DZA Potsdam, RdI, № 13360, Bl. 190.

⁶³ DZA Potsdam, RdI, № 13360, Bl. 195—197. За 1923 г. через Гамбургский порт прошло 29 176 судов; ежедневно на рейде стояли 100—120 судов.— См. «Hamburger Handel und Schiffahrt in den Jahren 1913—1924». Hamburg, 1925.

⁶⁴ W. H a n i s c h, Die Hundertschaften..., S. 91—92.

21 октября руководители восстания собрали в Хемнице представителей партийных организаций КПГ, пролетарских сотен и партийных связных⁶⁵. На совещании было оглашено решение «Корф» от 20 октября о вооруженном восстании. Упомянутый выше немецкий буржуазный историк Флехтгейм, касаясь этого собрания, выдвигает следующую лживую версию «о причинах» начала Гамбургского восстания: «На Хемницкой конференции. — пишет он, — специальные связные ожидали приказа о выезде на места с решением о вооруженном восстании. Из зала заседания вышел Эрнст Тельман и закричал на связных: «Чего вы ждете, отправляйтесь на места. Решение состоялось. Все в порядке». И связные помчались на вокзал, откуда их потом вернули обратно. Только инструктор для Гамбурга Реммеле успел уехать в Гамбург, поэтому ему вдогонку пришлось затем послать на мотоцикле другого курьера, который, однако, приехал туда с опозданием»⁶⁶.

На самом деле Э. Тельмана в Хемнице не было; к нему в Гамбург был командирован курьер, которому было поручено сообщить о решении начать вооруженное восстание в Гамбурге.

Курьер уехал в Гамбург еще до начала конференции саксонских фабзавкомов и других пролетарских организаций, собравшейся 21 октября в Народном доме Хемница. На конференции присутствовали в качестве гостей представители рабочих организаций Баварии, Брауншвейга и других частей Германии⁶⁷. Всего съехалось 500 делегатов, в том числе от фабзавкомов — 140, контрольных комиссий — 79, комитетов действия — 16, кооперативов — 26, профсоюзов — 102, местных организаций компартии — 66, социал-демократической партии — 7 и др.⁶⁸ Большинство делегатов были настроены революционно, шли за коммунистами и «требовали объявления всеобщей забастовки, как сигнала к началу борьбы»⁶⁹.

Вместо того чтобы, опираясь на революционную часть конференции, взять руководство в свои руки и превратить ее в исходный пункт для решительной борьбы за власть, брандлеровцы не помешали тому, что в центре внимания конференции оказались хозяйственные вопросы. Только под конец конференции, когда делегаты уже были утомлены, Брандлер выступил с предложением о необходимости объявления всеобщей забастовки. Как и следовало ожидать, лидеры социал-демократии выступили против этого предложения и угрожали уходом с конференции в случае, если оно будет принято.

Затаив дыхание, тысячи дружинников стояли всю ночь в парке Народного дома Хемница; трудящиеся всей Германии ждали с надеждой сигнала к решительному бою.

И в этот ответственный момент брандлеровцы капитулировали перед социал-демократией, перед буржуазией. Брандлер снял предложение коммунистов о всеобщей забастовке и высказался за создание комиссии из 10 человек (из представителей КПГ и СДПГ на паритетных началах) и передачу вопроса о всеобщей стачке на решение этой комиссии.

Выступивший перед голосованием коммунистический депутат ландтага Зиберт подчеркнул, что предложение Брандлера не удовлетворяет революционных рабочих, однако, исходя якобы из интересов сохранения единого фронта, призывал голосовать за это капитулянтское предложение. Оно было принято незначительным большинством голосов. Многие воз-

⁶⁵ В связи с запрещением коммунистической печати была создана, в целях конспирации, специальная служба связи партии, состоявшая из проверенных коммунистов, главным образом самокатчиков.

⁶⁶ O. K. Flechtheim. Die Kommunistische Partei Deutschlands..., S. 96.

⁶⁷ W. Hanisch. Die Hundertschaften..., S. 91.

⁶⁸ ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 29, л. 570.

⁶⁹ W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. I, S. 139.

держались от голосования. Когда часть делегатов предложила переоголосовать вопрос о стачке, это встретило поддержку большого числа делегатов. Тогда Брандлер снова выступил и уговорил конференцию снять вопрос о стачке с повестки дня⁷⁰. В своих воспоминаниях президент Коммунистической партии Великобритании Уильям Галлахер, касаясь революционных событий 1923 г., дает высокую оценку деятельности Э. Тельмана и резко осуждает политику брандлеровцев. У. Галлахер пишет:

«Я присутствовал на конференции в Хемнице в качестве гостя. В зале шли заседания, на улице происходило обучение Красной гвардии. Председательствовал коммунист, член саксонского правительства, но с речами выступали социал-демократы, даже не помышлявшие о том, чтобы вступить в бой. Я был поражен и возмущен. Когда я спросил, где же руководители германской компартии Брандлер и Тальгеймер, которые должны были направить конференцию по революционному пути, мне сказали, что они где-то наверху. Я поднялся наверх и нашел их. Брандлер и Тальгеймер сидели за столом и выглядели очень занятыми людьми. Оказалось, что они готовили манифест, обращенный к... английским рабочим, которым предлагалось защищать «свободную Германию», которую нужно было еще завоевать! Они занимались этим в те часы и минуты, когда внизу предавали германскую революцию; обращались к английским рабочим, когда уплывала возможность обратиться к германским рабочим... Только Эрнст Тельман и его сподвижники в Гамбурге в те дни показали, что могут сделать восставшие рабочие. Уже после начала вооруженных боев в Гамбурге Тельману сообщили решение оппортунистического руководства о том, что всегерманского восстания «пока не будет»⁷¹.

После Хемницкой конференции В. Пик в беседе с берлинским корреспондентом РОСТА заявил, что на заседании «комиссии 10-ти» социал-демократы высказались против предложения КПП о всеобщей забастовке и в последнюю минуту внесли предложение о призыве в рейхсвер 10 тыс. саксонских рабочих якобы для того, чтобы... демократизировать его. Данное предложение, очевидно, было согласовано с центральным правлением социал-демократии и имперским правительством.

Против всеобщей забастовки высказались также левые социал-демократы, которые отвергли в то же время предложение о мобилизации рабочих в армию, признавая, что оно лишено всякого смысла. Спор по этому поводу, заявил В. Пик, оттягивает решение вопроса о всеобщей забастовке⁷².

По окончании конференции фабзавкомов были снова собраны участники утреннего совещания представителей организаций КПП. Брандлер сообщил, что вооруженное восстание «откладывается». В Гамбург был послан второй курьер с новой директивой. Участники совещания разъехались в подавленном состоянии. Они поняли, что брандлеровцы их предали.

Буржуазия перешла в контрнаступление. В течение 21 и 22 октября части рейхсвера беспрепятственно заняли важнейшие центры Саксонии. Ночью 22 октября брандлеровцы вместе с Радеком тайком от коммунистов бежали в товарном поезде в Берлин, оставив рабочих Саксонии и Тюрингии на расправу реакционным генералам.

Рабочие правительства Саксонии и Тюрингии были разогнаны, сотни революционных рабочих брошены в тюрьмы, местные организации компартии запрещены. Много рабочих было зверски убито. «В течение 9 месяцев рурского конфликта французскими оккупантами был убит 51 немец,—говорилось в воззвании КПП, опубликованном в ноябре

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 29, л. 571—572.

⁷¹ «Новая и новейшая история», 1959, № 2, стр. 59—60.

⁷² ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 29, л. 574.

1923 г. — Немецкий рейхсвер в течение одной недели завоевания свободной Саксонии расстрелял 36 немецких рабочих»⁷³.

Так в результате предательства правых и левых лидеров социал-демократической партии, а также изменнической оппортунистической политики брандлеровцев, пробравшихся к руководству компартии, буржуазии удалось удержать власть. Компартия оказалась недостаточно зрелой и сильной, чтобы через головы социал-демократических лидеров и брандлеровцев привести трудящиеся массы к победе над буржуазией.

«В классовой войне, как и в любой другой войне,— писал О. В. Куусинен,— обстановка борьбы обуславливает те или иные формы и цели стратегии: и наступление, а при случае и отступление определяется условиями борьбы. Но никакие даже самые неблагоприятные условия борьбы не могут служить оправданием пассивности. Капитуляция не есть форма борьбы. Она есть отказ от борьбы»⁷⁴.

* * *

Ленинизм учит, что победа пролетарской революции невозможна без сплоченной партии пролетариата, свободной от оппортунизма, непримиримой в отношении ревизионистов и капитулянтов, революционной в отношении господствующего класса и его государственной власти.

Оппортунисты в КНГ игнорировали объективную революционную ситуацию осени 1923 г. Они не понимали контрреволюционной роли лидеров социал-демократии. Отсюда извращение тактики единого фронта. Вместо того чтобы использовать Саксонию и Тюрингию как выгодные форпосты для всегерманского наступления, брандлеровцы капитулировали перед генералом Мюллером и дезориентировали рабочих других частей страны.

Военно-техническая подготовка вооруженного восстания началась (под напором низовых партийных организаций) только за несколько недель до октябрьских боев. Но ошибочно была взята установка только на силы партии вместо смелого развязывания забастовочной борьбы, частичных схваток с буржуазией, в результате которых широкие массы рабочего класса могут сплотиться вокруг своего авангарда. Брандлеровское руководство сознательно тормозило развертывание массовой борьбы рабочего класса под тем предлогом, что, мол, нужно сберечь силы, «держать порох сухим» для «решающей борьбы».

Серьезным тормозом на пути к завоеванию большинства рабочего класса являлась устаревшая социал-демократическая организационная структура построения партии по территориальному принципу. «Уроки германских событий,— говорится в решениях V конгресса Коммунистического Интернационала,— служат особенным доказательством тому, что перестройка партии на основе фабрично-заводских ячеек является непременным условием победоносной борьбы за власть»⁷⁵. Совершенно недостаточное внимание уделялось работе в деревне.

Рабочим не хватало авторитетного политического центра, связанного крепкими корнями с широкими народными массами и пользующегося их полным доверием, имеющего единую революционную программу действий. Таким центром могли под руководством компартии стать рабочие Советы. Однако они не были созданы. Как отметил Э. Тельман на V конгрессе Коммунистического Интернационала, КНГ «не выдвинула на первый план ни идеи о контроле над производством, ни идеи о политических Советах рабочих депутатов»⁷⁶.

⁷³ См. W. Hanisch. Die Hundertschaften..., S. 95.

⁷⁴ О. В. Куусинен. Неудавшееся изображение «Немецкого октября». М.—Л., 1924, стр. 15.

⁷⁵ «Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», ч. II. Приложения. М.—Л., 1925, стр. 94.

⁷⁶ «Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», ч. I, стр. 249.

Брандлеровцы доказывали, что для взятия власти будто бы достаточно одних фабзавкомов. Однако последние, как известно, не были централизованы и не смогли поэтому стать «предтечей Советов» — политическими массовыми органами борющегося пролетариата.

Говоря о факторах, препятствовавших развитию революционной борьбы в Германии в 1923 г., необходимо указать также на то, что германский пролетариат не имел той возможности — какую имели русские рабочие в 1917 г. — использовать противоречия между двумя воюющими империалистическими коалициями. Однако попытки брандлеровцев оправдать свою капитуляцию ссылками на неблагоприятную международную обстановку оказались несостоятельными. Разоблачая этот маневр, Д. З. Мануильский в своей речи на XIII съезде РКП(б) напомнил, что «в Октябре мы не имели за собой, как ныне немецкие товарищи, организованное пролетарское государство, солидарное с германским рабочим классом»⁷⁷.

Брандлеровцы пытались замаскировать свое банкротство также клеветническими заявлениями о том, что массы якобы не желали драться и что коммунистическая партия была не готова и не способна взять власть в свои руки.

Но в речи на II съезде польской компартии — за месяц до октябрьских событий в Германии — Брандлер заявил совершенно противоположное: «Во время недавней всеобщей забастовки мы уже вели за собой миллионы. Эти массы еще не шли за нами ни в период путча Каппа, ни во время убийства Эрцбергера, ни даже в ходе кампании протеста против убийства Ратенау... В Средней Германии мы могли бы установить свою власть в течение трех дней». Брандлер утверждал также: «В то же время нам предстоит в этом отношении серьезные трудности в Берлине и Гамбурге»⁷⁸.

Как мы увиделись, жизнь внесла коренные коррективы в прогнозы Брандлера. Полностью оправдались слова Э. Тельмана, что «к борьбе готовы были не только гамбургские, но и берлинские, саксонские и все другие рабочие коммунисты Германии»⁷⁹. Беда заключалась в том, что рабочим не хватало самого главного — руководства, которого они напрасно ждали от брандлеровцев. Последние в решающий момент помогли социал-демократическим лидерам предать германский пролетариат.

Лишь гамбургское восстание показало, на какие героические дела способны трудящиеся массы, если их возглавляют такие последовательные ленинцы, каким был Эрнст Тельман. Вопреки всем ухищрениям брандлеровцев Тельман не выпустил из рук революционного знамени марксизма-ленинизма, вел непримиримую борьбу против оппортунизма и ревизионизма. Правильно оценив политическую ситуацию, он еще в августе начал подготовку к предстоящим баррикадным боям.

Революционные выступления трудящихся масс Гамбурга достигли своего апогея в октябре. Коммунисты вели неустанную борьбу за установление единого фронта. Тельману удалось создать центральный шприморский совет фабзавкомов (Arbeiter-Union), который сыграл большую роль в дальнейшей борьбе за единство действий гамбургского пролетариата.

Весть о том, что части рейхсвера, расположенные в Гамбурге, направляются для подавления саксонских рабочих, молниеносно распространилась по рабочим кварталам города. Фабзавкомы многих предприятий объявили забастовку.

Гамбургский сенат пригрозил населению, что он «готов всеми имеющимися в его распоряжении силами выполнить свою миссию»⁸⁰. Трудящееся население приняло этот наглый вызов «отцов города».

⁷⁷ XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1924, стр. 367.

⁷⁸ «Protokoły II zjazdu KPRP (1923)». — «Z pola walki», 1958, № 4, стр. 138—139.

⁷⁹ E. T h ä l m a n n. Reden und Aufsätze, Bd. I, S. 258.

⁸⁰ «Berliner Tageblatt», 22.X.1923.

В Бармбеке (одном из рабочих предместий Гамбурга) волнения начались еще 17 октября; трудящиеся женщины захватывали рынки и заставляли саботирующих торговцев продавать свои товары. 18 и 19 октября жены рабочих образовали цепь перед верфями и возвращали домой шедших на работу мужей. 19 октября состоялась 15-тысячная демонстрация безработных на площади Хайлигер гайст. Одновременно в нескольких частях города вспыхнули голодные бунты, закончившиеся разгромом продовольственных складов. Активную роль и здесь играли жены рабочих. В тот же день администрация ряда судостроительных заводов объявила рабочим локаут⁸¹. Днем состоялось грандиозное собрание в доме профсоюзов, откуда тысячи рабочих отправились к ратуше, опрокидывая находившиеся на их пути заграждения из колючей проволоки. Вечером улицы и площади стали заполняться десятками тысяч возбужденных рабочих. Полиция только в течение этого вечера арестовала 100 человек.

С 20 октября обстановка была настолько накалена, что гамбургский сенат перевел всю полицию на наивысшую ступень боевой готовности. В этот день снова состоялась крупная рабочая демонстрация. Демонстранты прорвались к центру города. До поздней ночи безработные опустошали продовольственные магазины. Полиция не была в состоянии справиться с толпами голодных людей. Против воли профбюрократов предприятие за предприятием прекращали работу⁸².

В воскресенье 21 октября в Гамбурге собралась конференция представителей рабочих-судостроителей всего Приморья. Большинство делегатов требовало объявить всеобщую забастовку. Только благодаря авторитету Тельмана удалось временно отложить ее начало. Дело в том, что Тельман знал о сентябрьском решении ЦК КПГ по вопросу о вооруженном восстании и ждал директивы. Она прибыла в тот же день; восстание должно было начаться в ночь с 22 на 23 октября.

Вечером 21 октября под председательством Тельмана состоялось заседание руководства Приморской организации КПГ. Прежде всего было решено приостановить движение железнодорожного транспорта, чтобы помешать переброске войск и боеприпасов из Средней Германии⁸³. Районным организациям было немедленно разослано воззвание всегерманского исполкома фабзавкомов, доставленное в Гамбург курьером ЦК, в котором рабочие призывались к всеобщей забастовке, к восстанию против наступления реакции, против военной диктатуры. В воззвании говорилось: «Любое промедление смерти подобно. Необходимо начать борьбу одновременно во всей стране, ибо изолированная борьба рабочих Средней Германии может привести к поражению... Это не будет повторением 1918 г. Следует учесть, что буржуазия также в течение нескольких лет готовилась к этой решающей борьбе. Наступил решительный час. Одно из двух — или трудовой народ спасет Среднюю Германию, превратит Германию в рабочую республику, которая заключит союз с Советской Россией, или наступит неслыханная нищета, рабочее движение будет отброшено назад на десятилетия и наступит эра белого террора по венгерскому и итальянскому образцам»⁸⁴.

Районы получили директиву о немедленном объявлении всеобщей стачки; через несколько часов забастовали рабочие десятков фабрик, заводов, команды пароходов и портовые рабочие.

22 октября вечером Приморский комитет КПГ окончательно утвердил план восстания в Гамбурге, разработанный Э. Тельманом. Главный упор в военном отношении был сделан на внезапность начала восстания и

⁸¹ См. «Коммунистический Интернационал», 1933, № 31, стр. 40.

⁸² «Trotz Alledem», № 8.— Архив Музея Революции СССР, № 11952, д. 444.

⁸³ См. «Коммунистический Интернационал», 1933, № 31, стр. 40.

⁸⁴ Архив Музея Революции СССР. Л., 12 ц.

захват оружия в результате одновременного нападения на полицейские участки города ровно в 5 час. утра 23 октября 1923 г.⁸⁵

Дружинники были немедленно подняты по боевой тревоге и сконцентрированы на сборных пунктах в ожидании часа наступления. Была разработана система связи, указано временное местонахождение штаба восстания.

На рассвете 23 октября, согласно плану, рабочие неожиданно для властей начали штурм полицейских участков. Загремели выстрелы славного восстания, которое спасло честь Коммунистической партии Германии, немецкого пролетариата.

Три дня и три ночи шли ожесточенные баррикадные бои, во время которых повстанцы самоотверженно и с исключительным героизмом сражались против превосходящих сил противника, что отмечается даже буржуазными историками. Три дня и три ночи над Гамбургом и его окрестностями гордо реяло революционное знамя. Буржуазный сенат, ожесточенный упорством восставших, которые пользовались симпатией и поддержкой трудящегося населения, приказал засыпать баррикады снарядами, гранатами, но пламя восстания разгоралось еще ярче.

Второй курьер ЦК КПП с директивой о том, что восстание «откладывается», прибыл в Гамбург, когда там уже шли бои⁸⁶. Узнав, что Гамбург сражается один, что его пример по вине брандлеровцев не подхвачен другими частями Германии, Тельман и другие руководители восстания отдали приказ о прекращении борьбы и начали отступление, сохранив людей и укрыв оружие.

Самым сложным делом было, однако, убедить повстанцев в том, что решительный бой, к которому они так долго и тщательно готовились и который так успешно начался, необходимо прекратить, не будучи побежденными. Повстанцам-коммунистам было тяжело расставаться с оружием и с товарищами по оружию — с социал-демократическими рабочими, с которыми они сдружились в огне баррикадных боев.

Первого рабочего-связного, принесшего на баррикады этот трагический приказ, повстанец сильным ударом сбил с ног. Для того чтобы рабочие поверили в достоверность приказа об отступлении, на баррикады должен был явиться руководитель восстания Эрнст Тельман.

Восстание было прекращено вечером 25 октября 1923 г. в таком же образцовом порядке, как оно было начато за три дня до этого. По этому поводу Э. Тельман писал: «Исходя из того, что революционная борьба против своих угнетателей может привести к окончательной победе только в том случае, если она ведется в масштабе всей страны, мы решили прекратить борьбу.

Борьба была прекращена без больших потерь в тот момент, когда она находилась в самом разгаре»⁸⁷.

Выше мы указали, что не все стороны истории Гамбургского восстания исследованы. Однако вопросы о том, было ли у Эрнста Тельмана достаточно оснований для того, чтобы начать восстание, знал ли Гамбургский сенат о готовящемся восстании, не вызывали и не вызывают сомнения ни у немецких, ни у советских историков-марксистов.

Между тем молодой немецкий историк Г. Хабеданк в своей книге «К истории Гамбургского восстания»⁸⁸, представляющей бесспорный научный интерес, утверждает, будто Тельман и подавляющая часть Приморской организации КПП, пренебрегая второй директивой ЦК КПП о том, что

⁸⁵ W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. I, S. 140—141.

⁸⁶ А. Нейберг. Вооруженное восстание. М.—Л., 1931, стр. 66.

⁸⁷ E. Thälmann. Vorwärts im Geiste des Oktober 1923.—«Hamburger Volkszeitung», 23.X.1927.

⁸⁸ Рецензию на эту книгу см. «Новая и новейшая история», 1958, № 6.

всегерманское восстание «откладывается», на свой страх и риск начали восстание (стр. 11, 111, 112, 203).

Свое утверждение Хабеданк не подкрепляет никакими источниками, если не считать сведений, добытых им от двух участников восстания. Он не делает даже попытки сопоставить эти данные с архивными материалами. с печатными источниками.

На V конгрессе Коммунистического Интернационала Э. Тельман говорил по этому поводу: «В Гамбурге по приказанию ЦК был принят бой против в двадцать раз более сильного противника без всякой поддержки извне. Выступавшие рабочие оказались изолированными... Рабочие не понимали, почему КПГ не предложила всему пролетариату вступить в тот вооруженный бой, который разыгрался в Гамбурге»⁸⁹. То же говорят В. Ульбрихт, Ф. Геккерт, Г. Матерн, М. Эльснер⁹⁰.

Участник восстания Ст. Свиталла пишет: «Само собой разумеется, что мы были убеждены в том, что указание о восстании касается всей Германии... Ужасной была директива тогдашнего руководства партии, которое находилось в руках Брандлера. Он хотел ликвидировать восстание, несмотря на то, что уже шла борьба»⁹¹.

Анализ достоверных материалов о восстании подтверждает точку зрения Э. Тельмана, В. Ульбрихта⁹², Ф. Геккерта и других, которую полностью разделяют советские историки⁹³, и опровергает ошибочные положения Хабеданка.

Выше уже говорилось, какое большое значение для хода Гамбургского восстания имела внезапность выступления. В своей книге Хабеданк утверждает, однако, будто руководство полиции знало о готовящемся восстании, но тем не менее в ночь с 22 на 23 октября распустило большинство полицейских по домам (стр. 112—113, 203). Не может быть никаких сомнений в том, что любое известие о сроке начала вооруженного восстания заставило бы власти не только воздержаться от отмены осадного положения (в ночь с 22 на 23 октября) и приостановить отправку частей рейхсвера в Саксонию; наоборот, в район Приморья были бы стянуты дополнительные военные силы (как это было сделано после начала восстания).

Факты неопровержимо свидетельствуют о том, что гамбургская полиция была застигнута событиями врасплох, как и предусматривалось планом восстания.

* * *

Исследование различных документов и материалов, касающихся событий 1923 г. в Германии, убеждает в том, что вся ответственность за неудачный исход Гамбургского восстания, как и за отказ от борьбы за власть во всей Германии осенью 1923 г., целиком и полностью ложится

⁸⁹ «Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», ч. I, стр. 251.

⁹⁰ W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. I, S. 143; Ф. Геккерт. Германия в октябре 1923 г.— «Коммунистический Интернационал», 1934, № 5, стр. 62; Н. Matern. Aus dem Leben und Kampf der deutschen Arbeiterbewegung, Berlin, 1958, S. 133; M. Oelsner. Der Hamburger Aufstand im Jahre 1923. Leipzig, 1957, S. 30.

⁹¹ St. Switalla. Wo die schärfsten Kämpfe tobten, stand Ernst Thälmann.— «Tribüne», 4.III.1954.

⁹² Вызывает крайнее недоумение утверждение Хабеданка, что «некоторые подробности, приводимые В. Ульбрихтом в его работе «Послевоенный кризис в Германии и события 1923 г.», изложены неточно» (стр. 24), причем ни здесь, ни в дальнейшем Хабеданк никак не доказывает это утверждение.

⁹³ См.: М. И. Орлова. Германия в 1923 году (революционный кризис). М., 1957, стр. 83; В. Д. Кульбакин. Германия в 1918—1939 годах. М., 1952, стр. 18; Г. Л. Розанов. Очерки новейшей истории Германии. М., 1957, стр. 99; Л. А. Шеверда. Рабочее движение в Германии в 1918—1939 годах. М., 1957, стр. 52—53; Д. С. Давидович. Гамбургское восстание 1923 г.— «Вопросы истории», 1948, № 11, стр. 9.

на правых лидеров социал-демократической партии, а также на брандле-ровцев, которые предали интересы рабочего класса.

«Уроки Гамбургского восстания,— писал В. Ульбрехт,— укрепили у германских коммунистов сознание, что рабочий класс может выполнить свою историческую задачу лишь в том случае, если его ведет революционная партия, которая руководствуется теорией марксизма-ленинизма и умеет ее применять»⁹⁴.

Несмотря на понесенные жертвы, неблагоприятный исход борьбы, Гамбургское восстание отнюдь не вызвало у рабочих депрессии или отчаяния; наоборот, оно вселило в них уверенность в грядущей победе социализма. Жертвы были не напрасны, «они принесены,— как писал Эрнст Тельман,— не только во имя создания большевистской партии в Германии, но и во имя будущего всего рабочего класса... Перед каждым революционным рабочим должен неизбежно стоять образ бойца гамбургских октябрьских боев: хладнокровного, презирающего смерть, безгранично преданного делу рабочего класса, готового встретить врага на баррикаде с винтовкой в руках, взор его устремлен к самой великой, самой гордой цели, какая существует для коммуниста: к диктатуре пролетариата!»⁹⁵.

За десятилетия, истекшие со времени Гамбургского восстания, расстановка сил на мировой арене окончательно и бесповоротно изменилась в пользу социализма. Сложилась могучая, крепнущая с каждым годом мировая система социализма, в которой объединилось около миллиарда человек. В этой дружной семье свободных и миролюбивых народов видное место занимает Германская Демократическая Республика, успешно строящая социализм. Великие успехи первого в истории Германии рабоче-крестьянского государства стали возможными потому, что рабочий класс ГДР учел уроки истории, сплотил свои ряды и создал на базе марксизма-ленинизма единую партию пролетариата.

В Западной Германии, где загнанная в подполье КППГ ведет неустанную борьбу за единство рядов рабочего класса, еще поныне продолжается сопротивление правых лидеров социал-демократической партии установлению единства действий.

Советы великого Ленина оказали и оказывают неоценимую услугу компартии Германии. Ленин учил немецких коммунистов: «Не терять хладнокровия и выдержки;— систематически исправлять ошибки прошлого;— неуклонно завоевывать большинство среди рабочих масс и в профсоюзах и вне их;— терпеливо строить крепкую и умную коммунистическую партию, способную действительно руководить массами при всех и всяких поворотах событий;— выработать себе стратегию, стоящую на уровне наилучшей международной стратегии самой «просвещенной» (вековым опытом вообще, «русским опытом» в особенности) передовой буржуазии,— вот что надо делать и вот что будет делать немецкий пролетариат, вот что гарантирует ему победу»⁹⁶.

Цели, за которые боролись, не щадя жизни, лучшие сыны и дочери немецкого рабочего класса во время Гамбургского восстания, осуществлены в Германской Демократической Республике.

⁹⁴ «Вопросы истории», 1954, № 5, стр. 80.

⁹⁵ E. Thälmann. Reden und Aufsätze, Bd. I, S. 261—262.

⁹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 488.